

22. Шиловский М. В. Сибирские областники в общественно–политическом движении в конце 50–60–х гг. XIX в. / М. В. Шиловский / отв. ред. Л. М. Горюшкин. — Новосибирск : Новосиб. ун-т, 1989. — 144 с.

Информация об авторе

Зулярь Юрий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Иркутский государственный университет 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, e-mail: uzulyar@yandex.ru.

Author

Yuriy A. Zulyar — Doctor habil. (History), Professor, Dean of Historical Faculty, Irkutsk State University, 1 K. Marx str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: uzulyar@yandex.ru.

УДК 94(47).084.3/084.9

ББК Т 63.3(2)6-2

В.А. ИЛЬИНЫХ

ТРАВПОЛЬНАЯ СИСТЕМА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ

Рассматриваются попытки внедрения в Западной Сибири травопольной системы земледелия, которые предпринимались в 1920-е гг., в конце 1930-х гг. во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. Анализ проводится в контексте аграрной политики советского государства и агротехнологической ситуации в регионе.

Ключевые слова: аграрная политика, системы земледелия, травополье, агротехника, освоение целины, Западная Сибирь.

V.A. ILINYKH

GRASS ROTATION SYSTEM OF AGRICULTURE IN WESTERN SIBERIA: EXPERIENCE OF IMPLEMENTATION

The author observes some implementation attempts of grass rotation system of agriculture in Western Siberia in 1920s, at the end of 1930s, in the second half of 1940s — beginning of 1950s. The analysis was made within the context of agrarian policy of Soviet state and agrotechnological situation in the region.

Keywords: agrarian policy, systems of agriculture, grass rotation, agrotechnology, clearing, Western Siberia.

Перевалив через «Камень» русские крестьяне в качестве базовой системы земледелия избрали перелог. Выбор был обусловлен следующими особенностями региона: отсутствием помещичьего хозяйства,

земельным простором и возможностями для свободного перемещения. При переложной системе земледелия освоенный участок засевался 3–5 лет подряд. Для увеличения срока его использования, накопления влаги и борьбы с сорняками мог применяться пар. Истощившая свои ресурсы пашня оставлялась на длительный срок без обработки (в залежь) для восстановления плодородия естественным путем, а крестьянин осваивал новый целинный участок.

Залежь во время отдыха превращалась в пастбище, сенокосы, ягодники. Минимальное время восстановления плодородия составляло 15 лет, оптимальное — до 25 лет. Затем земледелец, забросив новую пашню под залежь, мог возвращаться на прежнее место жительства. Его семья, разрастаясь, выделяла новых колонистов, удалявшихся от материнского хозяйства на неосвоенные территории. В результате применения переложной системы земледелия аграрное население региона находилось в состоянии неполной земледельческой оседлости — циклического перемещения в пределах освоенной территории [1, с. 592].

С конца XIX в. государство встало на путь регулирования крестьянского землепользования в Сибири. На большей части территории региона за крестьянскими общинами закреплялись земли. Наделы, которые община предоставляла свои членам, были достаточно обширными (15 дес. на душу). Однако с феноменом неполной аграрной оседлости было покончено. Переложная система земледелия трансформировалась в залежную (в мало освоенных районах) или парозалежную, основным отличием которых являлось закрепление залежи в севооборот одного хозяйства. Типичный залежный севооборот (21 поле) предполагал 15-летнюю залежь и посев зерновых 5 лет подряд; парозалежный севооборот (23 поля) — 15-летнюю залежь, 4-летний посев зерновых, пар, 2-летний посев зерновых [1, с. 33–34; 14, с. 25].

Следствием массового крестьянского переселения в начале XX в. стало многократное увеличение обрабатываемой пашни. Площади свободных целинных земель сокращались, что приводило к вовлечению в полевую оборот не восстановившей плодородия залежи. На терявшей свое плодородие пашне земледельцы были вынуждены переходить от возделывания высокоценных твердых пшениц к производству менее качественных мягких и расширению посевов так называемых «серых» хлебов — ржи, овса, ячменя. Кроме того, массовая распашка залежи, которая использовалась для выпаса скота, сужала базу для развития кормопроизводства и создавала препятствие для расширенного развития наиболее товарной отрасли сибирского сельского хозяйства — маслоделия.

Дальнейшее земельное утеснение оборачивалось переходом от парозалежной системы земледелия к безнадежно к тому времени устаревшему трехполью, что, собственно, в ряде районов Западной Сибири

(Зауралье) уже произошло. А трехпольные севообороты не создавали надежной базы для получения стабильно высоких урожаев зерновых и технических культур.

В качестве альтернативы трехполью была предложена травопольная система земледелия, в которой восстановление плодородия достигается за счет введения в севообороты значительного клина сеяных трав. В связи с наличием в данной системе земледелия паров, она иногда определяется как паротравопольная.

В Западной Сибири первые опыты по разработке травопольных севооборотов начались еще до Октябрьской революции и продолжались в послереволюционный период. К середине 1920-х гг. ведущие специалисты краевого земельного управления, а вслед за ними партийные и советские руководители региона утвердились в мнении, что преодолеть кризисные явления в сибирском растениеводстве можно лишь на путях постепенного и повсеместного перехода к травопольной системе земледелия. Переход к ней позволял повысить плодородие почв, предотвратить сползание земледелия к трехполью и существенно увеличить кормовую базу животноводства. Кроме того, искусственная травяная залежь создавала благоприятные условия для выращивания твердой пшеницы и льна. Исходя из этого, сторонники травополья рассматривали его как гармоничную систему, в которой интересы земледелия и животноводства совпадают, а «расширение и улучшение одной ведет к расширению и улучшению другой» [12, с. 244].

Следует отметить, что в сельскохозяйственной науке того времени существовали альтернативные взгляды на перспективы сибирского земледелия. Оппоненты считали, что парозалежная система в ряде районов Западной Сибири не исчерпала своего потенциала. Для черноземной зоны, в частности, предлагалась рационализация существующей системы путем введения в севооборот культурных паров и пропашных культур при сохранении определенного процента залежи [3, с. 114].

Однако сторонники травополья отвергли данные аргументы. В разработанном специалистами Сибкрайземуправления и опубликованном в начале 1926 г. «Перспективном плане развития сельского хозяйства Сибирского края» травопольная система земледелия рассматривалась как единственная основа агротехнологической перестройки сельского хозяйства региона. В «Перспективном плане» было разработано 5 типов травопольных севооборотов для большинства сельскохозяйственных районов Сибирского края. Так, предлагаемый для западносибирского лесостепного района девятипольный севооборот имел следующую схему: 1 — твердая пшеница по поднятой искусственной залежи, 2 — мягкая пшеница, 3 — удобренный навозом пар в сочетании с посевами корнеплодов и чечевицы, 4 — озимая рожь и мягкая пшеница, 5 — овес и ячмень, 6–9 — многолетние сеяные травы. И лишь для Восточно-Сибирского таежного

района рекомендовался улучшенный четырехпольный зерно-паровой севооборот. В восьми-, девятипольных севооборотах травы в западной части региона занимали от трех до четырех полей, в Восточной части — от двух до трех [13, с. 61, 100, 136–137, 165, 187, 220]. В марте 1926 г. бюро Сибкрайкома ВКП(б) поставило задачу реорганизации сельского хозяйства края на базе травополья [4, с. 58]. Несмотря на это внедрение травополья во второй половине 1920-х гг. ограничилось незначительным количеством крестьянских «культурных» хозяйств.

После перехода к форсированной коллективизации от травопольной системы отказались. Предполагаемое при массовом переходе к ней значительное увеличение площадей, занятых сеянными травами, в основном за счет сокращения прироста посевов зерновых, по мнению оппонентов «травяного шаблона», противоречило поставленной советским правительством задаче: разрешить зерновую проблему в Союзе и в крае. Исходя из этого, травополье стала рассматриваться как агротехнологическая диверсия, направленная на срыв социалистического строительства.

В начале 1930-х гг. о необходимости ведения правильных севооборотов никто не помышлял. Более того, находились «специалисты», пропагандировавшие насаждение бессменной зерновой монокультуры. Забвение агротехнических основ земледелия привело к падению плодородия почв и снижению урожайности. В этих условиях поиск оптимальных агротехнологий возобновился. В 1933 г. Запсибкрайземуправление рекомендовало в качестве оптимальных для зерновых хозяйств два типа севооборотов: пшенично-паровое трехполье для засушливых и вновь освоенных (незасоренных) земель и паропропашное пятиполье для остальных. Началось внедрение указанных севооборотов, вылившееся в очередную шумную, но малозффективную кампанию. Многопольные паропропашные севообороты были внедрены лишь в совхозах. В большинстве колхозов «правильные» севообороты существовали только на бумаге, а фактически преобладающей системой земледелия стало паровое зерновое трехполье, в юго-западных районах Сибири — с элементами залежной системы. При этом сохранение массивов залежных земель было связано не столько с сознательным выбором агротехники, сколько с отсутствием трудовых и технических ресурсов для их освоения [1, с. 272–273, 579].

Неэффективность парозерновых севооборотов с внесением минимального количества удобрений вновь поставила на повестку дня вопрос о внедрении травополья. Данная система земледелия также должна была способствовать укреплению кормовой базы животноводства, находившегося в еще более плачевном состоянии, чем растениеводство. В конце декабря 1936 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мероприятиях по повышению урожайности в юго-запад-

ных районах Западно-Сибирского края», в котором ставилась задача в течение 5–6 лет ввести во всех колхозах Кулундинской степи севообороты с многолетними травами [1, с. 419–425].

В июне 1937 г. пленум ЦК ВК(б) одобрил переход к травополью уже в масштабах всей страны. При этом указывалось, что в рамках ранее внедряемых в СССР паропропашных севооборотов основные технические культуры и пшеница не обеспечивались оптимальными предшественниками, а также не позволяли получать необходимого количества кормовых трав для общественного животноводства. Компенсировать потери зерна от массового внедрения травополья должно было расширение площади пахотных земель за счет освоения целины и многолетней залежи в восточных районах страны, в том числе в Алтайском крае, Новосибирской и Омской областях. Севообороты в колхозах и совхозах Западной Сибири должны были включать 1–2 поля чистого пара, до 2 полей многолетних трав и от 4 до 6 полей зерновых и технических культур. Севообороты с тремя полями многолетних трав допускались в отдельных колхозах степных районов и в животноводческих совхозах. Нарезку полей травопольных севооборотов в регионе предлагалось завершить в 1941 г., а закончить их внедрение в 1943 г. [8; 15]. Сибирские властные структуры приняли директиву Центра к исполнению. В 1940 г. в Западной Сибири освоили около 900 тыс. га целинных и залежных земель. Значительно медленнее в регионе распространялись травопольные севообороты. В 1941 г. их ввели лишь в каждом шестом колхозе Омской области. В остальных районах Сибири ситуация была еще хуже [1, с. 581].

Прерванное Великой Отечественной войной внедрение травополья и возобновилось в конце 1940-х гг. Утвержденный в марте 1946 г. «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.» предусматривал к концу пятилетки «во всех колхозах и совхозах восстановление и введение правильных севооборотов с применением в них травосеяния» [11, с. 274]. Работы по переходу к травопольной системе земледелия активизировались после принятия в октябре 1948 г. «Сталинского плана преобразования природы» (постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР») [11, с. 531–549]. В утвержденном 18 апреля 1949 г. Советом Министров СССР и ЦК ВКП(б) «Трехлетнем плане развития общественного животноводства» ставилась задача «всемерного развития травосеяния» во всех регионах страны как необходимого условия создания надежной кормовой базы [9, 1949]. В сентябре 1949 г. принимается постановление правительства, предусматривавшее, в частности, завершение в 1950 г.

работ по введению полевых и кормовых травопольных севооборотов в большинстве областей и краев Западной Сибири [10, с. 203].

К 1950 г. нарезку полей севооборотов в колхозах и совхозах Сибири в основном закончили. Однако качество этой работы оставалось чрезвычайно низким. Основные ее недостатки — шаблонный подход и чрезмерная централизация. Хозяйствам доводились сверху обязательные параметры для разработки проекта севооборотов. Один и тот же тип применялся в различных природно-климатических условиях. В 1949 г. доля освоенных севооборотов в колхозах Омской области составляла 6 %, в Алтайском крае — 2,8, в Новосибирской области — 2,5 % [5, с. 148]. В 1950 г. в связи с укрупнением колхозов работу по отграничению и освоению в них травопольных севооборотов пришлось начинать заново. В итоге к 1953 г. травополье в полном объеме было введено лишь в совхозах.

С конца 1953 г. аграрную политику в стране стал определять Н.С. Хрущев, который исходил из необходимости первоочередного подъема зернового хозяйства. Получить в сжатые сроки большие объемы зерна, по его мнению, можно было за счет массовой распашки и засева больших массивов целинных и залежных земель в Казахстане и на востоке СССР, прежде всего в Западной Сибири. Кроме того, к увеличению посевов зерновых культур мог привести отказ от малоэффективной, с его точки зрения, травопольной системы земледелия. Многолетние сеяные травы лишь поддерживали, а не повышали плодородие почвы, а также отличались относительно низким кормовым потенциалом. Поэтому их следовало заменить пропашными культурами. При этом решающим фактором укрепления кормовой базы животноводства должна была стать кукуруза [10, с. 208, 215].

Идея значительного увеличения посевов зерновых культур за счет вовлечения в сельхозоборот целины и залежи нашла своих активных сторонников, в том числе и в Сибири. В ее поддержку выступили руководители Алтайского края и Омской области, министры сельского хозяйства РСФСР и СССР. Следует отметить, что в отличие от Хрущева они предлагали выращивать зерновые культуры на вновь распаханых массивах в течение 2–3 лет, а затем исчерпавшую плодородие пашню надлежало отводить под чистые пары и многолетние травы [10, с. 208–214].

Широкомасштабный «целинный проект» был нормативно оформлен в постановлении февральско-мартовского (1954 г.) пленума ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» [2, с. 160–191], которое в целом воспроизводило предложения Н.С. Хрущева. В постановлении ставилась задача «в ближайшие годы» добиться «резкого увеличения производства зерна». Основным источником этого должно было стать «расширение посевов зерновых культур путем освоения залежных и целинных земель

в районах Казахстана, Сибири, Урала, Поволжья <...>, на которых можно получать высокие урожаи без больших дополнительных капитальных вложений». Следующим «крупным резервом увеличения производства» называлось «изменение структуры посевных площадей». Начиная с 1954 г., «за счет сокращения посевов и распашки площадей низкоурожайных многолетних трав» надлежало значительно увеличить посевы зерновых культур на старопахотных землях.

В 1954 г. началась «ударная» кампания по освоению целины, в ходе которой распахивались и засеивались пшеницей не только новые, зачастую неудобные для обработки, земли и посевы трав, раскритикованные с высокой трибуны, но и поля, ранее занятые иными культурами. Многие хозяйства перешли к бессменной пшеничной монокультуре. Более того, появились теории, что севообороты вообще не нужны, а колхозные и совхозные поля достаточно разбить на «производственные клетки». При этом истощались миллионы гектаров ранее плодородных почв, создавались условия для их засорения сорняками, разрушения ветровой и водной эрозией. «Черные бури» унесли миллионы тонн плодородной земли.

Одним из результатов целинной кампании в Западной Сибири стало сужение кормовой базы животноводства. Была распахана значительная часть земель, ранее использовавшихся под пастбища и сенокосы. Резко снизились укусы сеяных трав. Ситуацию не спасло и масштабное введение в севообороты пропашных и зернобобовых культур. Для их успешного возделывания в сибирских условиях требовалось много удобрений, химикатов для борьбы с сорняками и болезнями растений и специальная техника, но большинство хозяйств не располагало этими средствами в достаточном количестве. Урожайность и валовые сборы пропашных и зернобобовых культур оказались крайне низкими. В этих условиях ряд руководителей хозяйств и агрономов вновь обратились к травополью с целью повышения плодородия почвы, начав вводить в севообороты посевы многолетних трав.

Подобная тенденция вызвала крайне негативную реакцию Н.С. Хрущева, который посвятил критике травополя раздел своего доклада на мартовском (1962 г.) пленуме ЦК КПСС. Он заявил, что травополье по-прежнему тормозит развитие зернового хозяйства и кормопроизводства, обвинил в этом сторонников травопольной системы земледелия, призвал сломить их сопротивление и окончательно отказаться от «порочной» системы [16, с. 376–397]. Пленум ЦК КПСС в своем постановлении «осудил травопольную систему как несостоятельную с научной точки зрения, непригодную для социалистического сельского хозяйства» и призвал «решительно переходить от травополя к более интенсивным системам земледелия, широко внедрять посевы высокопродуктивных пропашных и бобовых культур» [7, с. 225].

Целинная эпопея в краткосрочной перспективе способствовала существенному наращиванию производства зерна. Однако допущенные в ходе освоения и использования новых земель нарушения агротехники привели к прогрессирующему снижению плодородия почвы. В начале 1960-х гг. урожайность целинной хлебной нивы и валовые сборы зерна резко снизились. В 1963 г. засуха, помноженная на агротехнические «новации», привела к катастрофическому неурожаю в основных земледельческих районах Западной Сибири. В регионе и стране в целом стала ощущаться острая нехватка не только фуражного, но и продовольственного зерна. Вновь возникли очереди за хлебом. Начался широко-масштабный импорт зерна.

В октябре 1964 г. «волюнтаризм» прежнего руководства страны был осужден. Однако к возрождению травополя это не привело. В новых условиях ставку сделали на более интенсивные технологии, основным средством восстановления плодородия почвы и повышения урожайности в которых являлось масштабное применение минеральных удобрений и ядохимикатов (химизация).

Список использованной литературы и источников

1. Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири: документально-монографическое издание / под ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. — Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2011. — 608 с.
2. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.). — М. : Госполитиздат, 1958. — Т. 4. — 864 с.
3. Земельные органы Сибири в 1920-е гг. : документально-монографическое издание / под ред. В. А. Ильиных, Ю. Г. Мартыновой. — Новосибирск : Сибпринт, 2015. — 608 с.
4. Известия Сибкрайкома ВКП(б) (Новосибирск). — 1926. — № 4.
5. Ильиных В. А. «Зерновой проект» 1954 г. в контексте аграрной истории Сибири / В. А. Ильиных // Сибирь: проекты XX века : сб. науч. стат. — Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 1996. — С. 132–154.
6. Историческая энциклопедия Сибири. — Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. — Т. I. — 716 с.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — 9-е изд. — М. : Политиздат, 1986. — Т. 10. — 494 с.
8. Правда. — 1937. — 30 июня.
9. Правда. — 1949. — 19 апр.
10. Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации : кол. моногр. / отв. ред. А. А. Николаев. — Новосибирск : Сибпринт, 2015. — 298 с.
11. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967. — М. : Политиздат, 1968. — Т. 3. — 752 с.
12. Сельское хозяйство Сибирского края. В помощь земледельцу. — Вып. 1: Материалы по характеристике сибирского сельского хозяйства. — Новосибирск, 1926. — 258 с.

13. Сельское хозяйство Сибирского края. В помощь земледельцу. — Вып. 2: Перспективы сельского хозяйства Сибирского края. — Новосибирск, 1926. — 535 с.

14. Скорняков И. Паротравополье / И. Скорняков // Жизнь Сибири (Новоиколаевск). — 1925. — № 1. — С. 24–33.

15. Собрание постановлений правительства СССР. — 1940. — № 10. — Ст. 251.

16. Хрущев Н. С. Современный этап коммунистического строительства и задачи партии по улучшению руководства сельским хозяйством: доклад на пленуме ЦК КПСС 5 марта 1962 г. / Н. С. Хрущев // Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. — М. : Госполитиздат, 1963. — Т. 6. — 480 с.

Информация об авторе

Ильиных Владимир Андреевич — доктор исторических наук, заведующий сектором аграрной истории, Институт истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: agro_iwa@mail.ru.

Author

Vladimir A. Ilinykh — Head of the Agrarian History Sector, Institute of History SB RAS, 8 Nikolaev str., 630090, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: agro_iwa@mail.ru.

УДК 94(571.5)
ББК 63.3(2Р54)

Л. В. КАЛЬМИНА

ОБЛАСТНОЙ И УЕЗДНЫЙ ЦЕНТР В ЗАБАЙКАЛЬЕ: СОРЕВНОВАНИЕ БЮДЖЕТОВ (1870-е — 1910-е ГОДЫ)

В статье раскрываются особенности бюджетной политики областной Читы и уездного Верхнеудинска. Города, негласно соревновавшиеся за первенство на забайкальском экономическом пространстве, жили в долг, затрачивая на социальное развитие значительные суммы не заработанных ими денег.

Ключевые слова: бюджет, доходы, расходы, недвижимое имущество, оценочный сбор, социальные нужды.

L. V. KALMINA

REGIONAL AND UYEZD CENTRES OF TRANSBAIKAL AREA: BUDGET COMPETITION (1870^s — 1910^s)

The article dwells upon the budget policy of regional Chita and uyezd Verkhneudinsk. These rivals in Transbaikal area existed on credit, having spent on their social development large money, they had never earned.

Keywords: budget, income, expenses, real estate, valuation of property, social needs.